

Часть 15. Конец войны. Домой!

...Ну вот и всё. Вот и закончился их «отпуск» в Бендерах. Пора домой. Хочешь – не хочешь, а пора! Того требовали обстоятельства. Бои ещё шли, ещё гибли люди, но хребет той войне уже был сломлен, скоро ей конец – это чувствовали все. Теперь-то известно, что до мира оставались считанные дни...

Из штаба 14-й армии. «Трудовой Тирасполь», 15-22 июля 1992 г.

«Продолжается усиленная переброска свежих батальонов армии Молдовы на Кочиерском направлении и Кошницком плацдарме. С личным составом, только призванным из резерва, проведено учение на полигоне вблизи Кишинева по ведению боя в населенном пункте.

Началась переброска танкового батальона Т-72 на Кошницкий плацдарм. Танки имеют по два-три боекомплекта. В течение двух-трех дней в район Дубоссар будут переброшены свежие силы для захвата Дубоссарской ГЭС.

Началась переброска мин-игрушек. Подразделениям дана команда: гвардейцев и казаков в плен не брать, расстреливать на месте. Подготовлена артгруппа для применения «Акации», «Града», «Урагана», все установки подтянуты на дубоссарско-кошницкое направление. Помимо МИГ-29 примут участие в боевых действиях и вертолеты МИ-24 румынской армии...

В разработке плана наступления активное участие принимает генштаб румынской армии. Утопить ПМР в крови – основной замысел этого плана. Румыния принимает самое активное участие по всем направлениям по выводу 14-й армии с территории ПМР. Ежедневно через румынско-молдовскую границу проходит по четыре-пять эшелонов с боевой техникой и боеприпасами. Неподалеку от Бронешт (юго-западнее города Оргеева) в полутора километрах от исправительно-трудовой колонии в саду стоят шесть танков и три пушки. В Бронештах готовится группа из 33 человек для заброски до 15 июля в город Тирасполь для диверсионной работы. Вся группа сформирована в Румынии.

Начальник штаба 14-й армии генерал-майор Тихомиров.

Помощник командующего 14-й армией полковник Баранов».

...Накануне Михайлов был в Тирасполе – обстановка в Бендерах позволяла съездить. Каждый раз, выезжая туда, Вадим не мог отделаться от ощущения, будто попадал в сказку. Город чистый, ухоженный, с клумбами роз, абрикосами и вишнями вдоль улиц. ...И буйными ароматами! По этим улицам ездят троллейбусы, беспечно бегают детишки, неспешно в лёгких платьишках, цокая каблучками, гуляют красивые девушки. ...Даже солнце радовало!

Да, здесь был... параллельный мир! Он понимал, что тыл есть тыл, и у него своя жизнь. Но то умом, а душой понять этого не мог. Иной раз холодной искрой да промелькнёт раздражение: люди, вы хотя бы понимаете, что в десяти верстах от вас идёт война?!..

С переговорного пункта он позвонил в Иркутск войсковому атаману Меринову. Кратко доложил об обстановке, сказал, что отпуска, предоставленные им, каждому на своей работе, заканчиваются, нужно возвращаться – война войной, но в это трудное время, думая о мире, каждый ещё и своей работой дорожил. Меринов, в свою очередь, сообщил, что им на смену вылетает группа казаков из Иркутска, Братска, Бодайбо – «До встречи!..»

...То утро выдалось ясным, солнечным. Недавно прошел дождик, и воздух был чист, прозрачен. Они ещё раз обошли свою «базу», ставшую им такой родной, уютной, заглянули в каждый уголок. Навели, насколько было возможно, порядок. Было немного жаль покидать её – словно с ней что-то от души отрывали. Передали здание из рук в руки командиру другой группы – туда сейчас зайдут бывшие Вадима и Влада земляки – оренбургские казаки из Челябинска. Вадим проинструктировал его касаясь укреплённости «базы», «узких мест» предполья, секторов обстрела, ориентиров...

Не забыли сходить проститься со своей доброй соседкой Петровной. Пожать им на прощание руки, пусть наскоро, но пришли казаки-черноморцы с вокзала, подошли и ребята из

бендерского ополчения, с кем не раз вместе «хлебали свинцовую кашу», а порой, прикрывая, дарили друг другу драгоценные секунды, за которые по гроб жизни потом обязаны водкой поить. Шутили напоследок, наперёд зная, что расстанутся навсегда – на всю жизнь, какой бы долгой или короткой она не была. Хотя... пути Господни неисповедимы – вдруг да увидимся?

...Живы. Правда, домой уезжают не все. Остается Влад Смолин. Его оставили, как официально звучало в приказе по войску, «...для поддержания связи с Иркутским казачьим войском». На самом же деле: встретить «свежую» группу, ввести в курс дел, и, главное – обучить... Да и в отличие от остальных парней группы, характер работы Влада там, на «гражданке», особо его не регламентировал – был сам себе хозяин. Толя Малых и Валера Филиппов тоже решили остаться.

Вышли на крыльцо. Закурили.█

– Ну что, братья-славяне, присядем «на дорожку»? Валера, щёлкни-ка нас на память... – Вадим протянул «Филиппку» свой фотоаппарат.

...Притула уже распорядился подогнать к «Тигине» для убывающих «филинцев» машину-«хозяйку» сотни – ЗИЛ-ГЯ. Тепло с ним попрощались: «Ну, бывай, командир! Как ты говорил: «Земля имеет форму чемодана, и людям суждено иногда встречаться на её углах»? Так что, авось ещё свидимся...». Увы, не суждено будет – кто бы тогда знал, какую бесславную смерть ты вскоре примешь в далёком Карабахе. Но это уже совсем другая история...

Проезжая по мосту, Славка попросил водилу тормознуть.

– Братцы, пошарьте-ка по карманам, у кого монетки есть? – спросил он. И с грустью в голосе добавил: – Бросим в Днестр по одной, чтоб когда-нибудь, после победы, пусть через много лет, но вернуться сюда.

В Тирасполе, в штабе ЧКВ, сдали в «оружейку» своё боевое имущество, взамен «баталер» им вернул документы и личные вещи. В кошевой службе получили свою «зарплату», которой, честно говоря, едва хватало на обратный билет, и то только на поезде...

– Вот такие мы горе-наёмники!.. – посмеялись парни, памятуя о тех статьях в московских газетах.

– Ну что, господа казаки, пойдём в гостиницу? В ту же самую... где по приезду были – в «Аист». Отмоемся, отстираемся, приведём себя в порядок, в кафе посидим, а уж поутру и в путь-дорогу...

«...Прощай, Бендеры, вам видней,

Кем были мы в краю далёком.

Пускай не судит однобоко

Нас кабинетный грамотей!.. – сидя на открытой террасе кафе, за общим столом с гвардейцами, донскими казаками и тираспольчанами, пели все вместе песню, рождённую в знойном «Афгане», переложённую здесь казаками-добровольцами на приднестровский лад:

...Прощай, Бендеры, вам видней,

Какую цену здесь платили,

Врага какого не добились,

Каких оставили друзей!..»

Дав домой короткие телеграммы, где главным словом было «ждите», что равносильно «я жив!», из Одессы парни разъезжались кто куда: под Волгоград, на Кубань, в Белоруссию – навестить родственников, прийти в себя. Путь домой для Вадима лежал через Москву и Братск. Но и он не мог просто не заглянуть к своим родным и к матери в Екатеринбург.

...Обратная дорога. Кто сказал, что дорога с войны – самая лёгкая дорога? Вадим этого как-то не ощутил – она, наоборот, показалась ему длинной и нудной, как сериал «Санта-Барбара»...

Подошедшие к перрону вагоны пригородного дизель-поезда «Тирасполь-Одесса» непривычного тёмно-вишнёвого цвета были взяты диким штурмом враз преобразившимися, только что спокойно прогуливающимися и мирно ожидавшими его пассажирами. Впечатление – паника при экстренной эвакуации – крики, вопли, ругань, пробки у дверей!.. Прямо один в

один, как в фильме про Павку Корчагина! Разве что в окна не лезли и «наганами» не размахивали... Народ, казалось, звереет – лишь бы сесть. Но вот поезд тронулся. И что самое удивительное – в вагоне почти никто не стоит. Зачем же было так волноваться?! И настроение людей меняется чуть ли ни мгновенно – через несколько минут сама доброжелательность и предупредительность, и вот уже пошли разговоры, житейские истории, смех, будто ничего и не было. «Ох уж этот южнорусский народ! Видно, нам, северянам, всё же трудно понять его менталитет...»

...Тирасполь медленно уплывает назад. Он оборвался как-то непривычно резко. Только был спальный микрорайон окраины, своими высотными домами мало чем отличающийся от центра города, и почти сразу – ухоженные поля, сады, виноградники. И небо над ними открылось, как резко отдернутый в стороны занавес.

...Одесса. Вадим немного прогулялся по городу. Воспетая в блатном фольклоре Дерibasовская – словно русло, щедро заполненное потоком людей, – на вид ничем особым и не выделялась. Знаменитая лестница донельзя замусорена. Памятник графу Де Рибасу изрядно засижен птицами. А в знаменитой пивнушке «Гамбринус» – выхолощенное баварское пиво и вальжные завсегдатаи, привыкшие жить «на шару» в этом портовом городе, баловали себя сухонькой таранькой и вареными раками величиной с ладошку – «маленькими, но по пять» – ха-ха, держат-таки марку! Дворы исторического центра – равнодушная атмосфера паучьей коммунальной квартиры. Так показалось. ...Уф-ф – жара! И опять душный, засалено-грязный вокзал.

...Сквозь толстое запыленное стекло купе закопченного вагона окружающий мир казался блеклым и однотонным, унылым, как песнь ямщика. Что это – «отходняк» от нервно-психологического «напряга»? Впрочем... Надо же было такому случиться, что из Одессы в одном купе с ним ехали две женщины и мальчик – бендерские беженцы. Ехали они в подмосковный Зеленоград по приглашению. В те страшные дни некоторые трудовые коллективы России протянули приднестровцам руку реальной помощи. В том числе – для них были освобождены пансионаты и санатории, базы и лагеря отдыха. Попутчики Михайлова жили в Борисовке – одном из знакомых Вадиму микрорайонов города Бендеры. Рассказывали, что им пришлось пережить. Вначале спокойно,

потом со слезами на глазах. Вадим слушал их хоть и внимательно, но свою, неведомо откуда вдруг навалившуюся адскую усталость скрыть от женских глаз всё же не смог. И рассказы деликатно свернулись.

Показалось, что попутчицы всё же несколько

обиделись на него. Сам же он ничего не рассказывал. Просто не мог – на душе опустошающая усталость и какое-то сожаление, будто за спиной осталось нечто вечное и важное, что не успел доделать. И страшно хотелось спать – сон наваливался откуда-то сверху, приятно тяжелый, но тёплый и мягкий. Ехать ещё далеко. Можно спать, спать, спать...

Но на полдороги его «расшифровали». Хотя, вообще-то, по неосторожности сам «подставился»: в купе никого не было, когда он за чем-то полез в свою сумку, перевернув вещи, и тут открывается дверь. Край выползшей из сумки потёртой блекло-выцветшей камуфляжной куртки с яркой изумрудно-красной нашивкой флага ПМР женщины заметили сразу – замерли у порога, немая сцена, блеск глаз!..

Почти до самой Москвы под бутылочку коньяка шли неспешные расспросы-разговоры – они всем купе будто вновь возвратились на улицы Бендер. Уже при подходе поезда к Киевскому вокзалу Москвы, напрасно извиняясь – «...чем можем», – женщины расцеловали Вадима и подарили – вручили, как медаль – бутылку «КВИНТ - Юбилейный», написав прямо на этикетке много теплых слов. – ...Выпейте дома с друзьями за нас, за приднестровцев!

**«...Смертельный шквал огня нам не позабыть.
Кресты по городу – как памятные знаки.
Здесь с боем утверждалось слово «жить»,
Здесь насмерть бились черноморские казаки».**

А. Диммерт. 1992 г.

Что ещё рассказать про обратную дорогу?

Она была уже другая. И путь не близкий...

Утренняя Москва встретила Вадима часом пик – пришлось пройти сеанс принудительного массажа безликим потоком людей. Над белокаменной висело низкое серое небо. В одной футболке зябко – пришлось надеть камуфляжку. Столичная суета никак не могла успокоить его струной гудящие нервы. Наоборот, ещё и подхлестывала их. Бросив вещи в камере хранения, Вадим спустился в метро.

- Люди добрые! Подайте беженцам из Приднестровья... – резануло слух Вадима – он аж опешил. По вагону, привнося пикантной остроты в летний «чарующий запах» метро, и придерживая пацаненка, причитая, шла женщина с замусоленной коробочкой в протянутой руке: – Совестно просить, но горе у нас. Мужа убили, дом наш в Бендерах взорвали, всё сгорело, еле детей спасла, остались мы ни с чем. И дочка ещё заболела. Помогите, кто чем может...

Люди лениво зашевелились, полезли в кошельки и карманы. В Вадима же закралось сомнение, резко вспыхнувшее раздражением: что-то здесь не так, – не раз видел подобные спектакли, и он рискнул эту «беженку» публично проверить «на вшивость»...

В коробочку уже лёг небольшой ворох мятых бумажек ельцинских рублей, когда он грубо окликнул её:

- Эй, беженка! Паспорт, как и все документы, у вас, конечно же, сгорели? Но я и без штампа о прописке прямо сейчас дам денег – пары тысяч хватит? – если скажешь, где вы жили в Бендерах, в каком районе? Название улицы и номер дома?.. И я скажу, цел ваш дом или нет.

Женщина от этих слов будто лбом на бетонный столб наткнулась, отшатнулась, напряглась. В вагоне разом все притихли, уставились на блеклую «камуфляжку» Вадима.

- Ну, чего молчишь-то, как контуженная? – не очень по-доброму сверкнули его глаза.

Приглушенный грохотом мчащегося поезда, по вагону пошел осуждающий гул: «Мошенница... побирушка... чужой бедой прикрылась!..» Впрочем, были выражения и покрепче. Самое интересное, что гудела-то, в основном, та половина вагона, через которую «беженка» успела пройти, возмущались те, кто добровольно расстался уже со своими «безмерным трудом кровно заработанными». Другая же половина, заинтригованная кульминацией этого нечаянного спектакля, молчала «во все глаза»... Не дожидаясь развязки – благо, что остановка – женщина с мальчиком выскочили из вагона, и растворились в толпе.

Такова она, Москва... Столица России. Наша столица, но... будто оккупирована. «Москва! Как много в этом слове для сердца русского...» – так, кажется, говорил Пушкин. Эти его слова вспомнились вдруг Вадиму, когда он из метро вышел на Пушкинскую площадь. Увидел её, знаменитый памятник на ней, и улыбнулся. Улыбка вышла горькой. Стоит Александр Сергеевич, неухоженный, позеленевший, загаженный голубями, и уже не задумчивый, а понурый, потому как придавлен он иноземщиной – ни слова русского не видно по-над площадью. Огромными буквами с крыш нависают над ним «SAMSUNG», «PEPSI», «McDonalds», «FORD»... Словно издёвка. Прямо, и смех, и грех! ...До позорища!

А какое впечатление могло остаться от Арбата, Тверской, «голубого» сквера у Большого театра и «площади трёх вокзалов»? – торжества срамоты и продажности всех, всего и вся!.. А в самом сердце Москвы, на Красной Площади, у Кремлёвской стены, ставшей «Всесоюзным пепломогильником» – прямо язычество какое-то! – мумия «вечно живого» зловещего тирана Православной России!..

Впрочем, было одно место, куда Вадим, всякий раз приезжая в Москву, приходил с поклоном, как к месту святому. Александровский сад. Могила Неизвестного солдата. Впервые он побывал здесь ещё пареньком, в далёком 75-м. Что после тянуло его сюда – он и сам не

«...Сколько силы, сколько веры!

Ах вы, добрые дела!

Ах вы, песни и слова,

Наши славные примеры -

Казаки и офицеры,

Дубоссары и Бендеры,

И Тирасполь!..

Эх, Москва!

Эх ты, наше нездоровье,

Урны грязные в стене!..

Приднестровье - предисловье

К нашей будущей войне».

И.Кушелев, «При Днестре».

знал. Но вот прошлым летом, когда его дочь готовилась «первый раз в первый класс» – разглядывая в новеньком букваре картинку с Красной Площадью, она вдруг возмущенно выдала: «Папа, ну как же я пойду в школу, если даже ещё Москву не видела?» Ничего не скажешь – аргумент весомый! Так тому и быть – поехали! Москву он ей показал. Были в Останкино, в Сокольниках, в Парке Горького, и на Красной Площади, в Кремле. Пришли и в Александровский сад. Рассказал, что это за место, почему здесь с мая 1966 года горит Вечный огонь, и почему его доставили сюда из Ленинграда с Марсова поля. Объяснил, что означают слова на граните: *«Имя твоё неизвестно – подвиг твой бессмертен»*.

...Жил человек. Имя у него было. Мать. Может, жена была, дети. Но пришла война, он ушел защищать Родину. И погиб. Так погиб, что никто об этом не узнал – пропал без вести. Нет, он не пропал. Он стал Неизвестным солдатом. Его, может, ждут. Ждут до сих пор. Его дети, внуки. Думают о нём, вспоминают, зовут про себя по имени. А он без имени. Потому что имя ему уже не нужно. Он – Неизвестный солдат. Он – для всех, кто потерял близкого на той войне...

Постояли, помолчали. И тут его маленькая доча тихо и совсем не по-детски вдруг сказала: «Папа, а у тебя ведь дедушка тоже пропал без вести под Москвой. Может, это он здесь лежит?»

...Ни что, даже Откровение Свыше, не могло поразить его сознание сильнее, чем эти дочкины слова – мурашки по спине!!!

Вот и сейчас, в этот прохладный летний день, тихие аллеи сада приняли Вадима, одетого в потёртые джинсы и выцветшую камуфляжную куртку, казалось, как старого знакомого. Но... может, ещё не осознавая того, он был уже другим. *«Неизвестных героев у тебя много, а ты, Россия, у нас одна»*, – эти, однажды где-то прочитанные, слова Вадим запомнил накрепко. На всю жизнь. Сейчас эти слова звучали в нём особенно остро...

Мерно отстукивая километры, поезд шел на восток. Вагоны чуть покачивались, убаюкивая и создавая отдаленное ощущение легкой морской качки. «Эх, а Славка сейчас где-то на Краснодарском побережье, на море отдыхает...» – лёжа на полке, мечтательно подумал Вадим. За окнами вагона под насыпью нескончаемо неслась земля, поворачиваясь и исчезая, возникали вновь рощицы и перелески. Но почему-то было не до красот. Проплывавшие бескрайние просторы русской провинции навевали тоску. «Эх, насколько ж ты, Россия, неухожена, бедна и неустроенна. И чем дальше от Москвы, тем непригляднее».

...Почерневшие от времени, с облупившейся краской оконных наличников дома деревень, что стояли близ дороги, щербатые старухи на завалинках, заляпанные грязью и покосившиеся без хозяйского догляду серые заборы. Иногда за домами взгляд выхватывал силуэты полуразрушенных церквей. Разваленные, словно после бомбёжки, корпуса животноводческих ферм с зачуханными силосными башнями, по-сиротски неухоженные, а то и заброшенные поля и пашни, и, как неизбежная достопримечательность любого колхоза, ржавые скелеты разбитых и ободранных комбайнов, раздолбанных тракторов на задворках коллективных «хозяев» – величавые символы укрощенного социализма... Одним словом – разруха. А ведь эти сёла не переходили с боями из рук в руки, как приднестровские, и миномёты по ним не били, но ощущение – близко к этому. Отчего так? Говорят, безалаберность в русском характере, что русский мужик ленив. Но причина не в нём, а в подлейшей системе, доведшей русского человека до уровня быдла!

...Просёлочные телеграфные столбы – покосившиеся и осиротевшие – без проводов: срезаны и, видать, сданы «металлистами» в «Цветмет». Станции – перроны донельзя заплёваны шелухой и «бычками», все углы закиданы мусором, обёртками от «марсов» и «сникерсов», вдоль вагонов тут и там спящие грязные малолетние попрошайки под присмотром «мутных», вечно пьяных бомжей, одетых, все как один, в растянутые и замызганные ...китайские «аидасы», в киосках – лишь просроченные шоколадки, низкопробная «порнуха», мелкая китайская дребедень да заоблачные цены... И этот извечный нараспев крик пристанционных бабулек: «Пирожки-и! Пирожки горя-ячие-е!..»,

приторговывающих заодно из-под полы не только «палёной» водкой, но и «дурью», готовых за копейку вцепиться зубами в плотки своим товаркам. И всё это под неприкрытым страждущим взглядом «стражей правопорядка»...

«Как же всё опустилось за последние годы. Разве это жизнь? Люди, до чего вы дошли?! Во что из брежневской «новой исторической общности» вы переродились? Кто вы теперь: по-ельцински «*рассияни*»? или русскоязычное население? Кто угодно, но по душе вашей – вы не русские!!! Сейчас вас, таких, даже согражданами нельзя назвать. Отчего это произошло? Из-за политики правительства? Но правительство «новой демократической России» показало себя обанкротившимся импотентом, и политики как таковой у неё нет – она сгнила где-то в подбрюшье МВФ. Может, мораль перестала быть ясной и прямой? Но искусственная и плагиатная – краденная из Заповедей и искаженная! – мораль «строителя коммунизма» никогда бы и не прижилась в сознании, ведь в душах не было Бога! ...Что роптать, если в нынешней замордованной житейскими проблемами России, далёкой пока от грохота орудий, почти каждый сам за себя? До остального – моя хата с краю... А если и сюда придёт война? **Стоят** ли эти людишки того, чтобы их защищать? ...Да, воевать мы всё же будем! Но не за государство – ТАКОЕ государство! – а за страну! За народ, но не за этих вот... Пока люди, в большинстве своём, таковы, мы не выиграем ни одну войну. Даже, если победим, то лишь бессмысленно преумножим крови, горя, нового зла и ...безразличия. До тех пор, пока народ России не воспрянет духом, Верой, а значит и силой, как приднестровцы – всякая победа будет равна поражению!»

...Братск. Здесь пересадка. Город с отравленным химией воздухом, утонувший в багровой глинистой пыли и неразрешимых житейских проблемах. Его жители, втянув голову в плечи, обходили сторонкой навороченные танкообразные джипы нагло-вальяжной «братвы» с их «быками», вертлявыми «шестёрками» и размалеванными «тёлками». Чувствуя себя хозяевами, они уже в открытую поделили город на свои вотчины, где правили «по понятиям», успешно заменив растерянные и донельзя опущенные государством в нищету, оттого и «прикормленные» «братвой», доблестные «внутренние органы».

Мало этого, так ещё и «чернота» поналезла: «ары», «азеры», «даги», «чехи»... Это о тех, кто под видом беженцев пришел на нашу землю со своей агрессивной моралью и пренебрежением ко всему русскому, абсолютно не считаясь со сложившимися устоями и нормами жизни. Это – ещё одна мафия: кланово-сплоченная расплодившейся родней, нагло-напористая до беспредела, она напрочь оседлала рынки, где легшая под них мелкоприблатненная шелупонь даже с бабушек сбирала дань...

«Брр-р-р! Какая унылая, беспросветно-серая жизнь – противно! Или я уже отвык от этого? Да, и видимо, больше никогда не привыкну...»

Он смотрел на это не брезгливо, и не равнодушно, а с какой-то безысходностью – и здесь война. Криминальная ли, или уже гражданская?.. Которой, спустя годы, с лёгкого словца какого-то недалёкого журналиста дадут игриво-романтическое название: «лихие 90-е» – ох, как нам это всё ещё откликнется! Пусть она не такая как там, в Приднестровье, а тихая, ползучая. Но всё же война: стрельбы, взрывов, крови и захватов территорий хватало – волна насилия захлестнула Россию! На улицах мирных городов ежегодно гибло, видимо, больше людей, чем на окраинах страны, во всех так называемых «горячих точках» вместе взятых. Гибли и бандиты, и законопослушные граждане, коммерсанты, политики, журналисты, артисты... А народ, замордованный безденежьем и дефицитами всего и вся, попавший под террор этой среды, и как всегда разобщенный, старался просто выжить. «...Отчего так? Часто можно слышать: почему Бог допускает такое? Всё очень просто: Господь не вмешивается в дела людские – Он наблюдает, как и чем живут люди. И воздает им по делам их. Так что, всё дело в нас самих. Это ведь мы – а деды, отцы и внуки для Него одно целое, – поддавшись в начале XX века сатанинским чарам, предали Господа, оттого стали разобщенными, равнодушными к ближнему, бессильными и злыми...»

Вадим вспомнил свою остановку в Екатеринбурге. Этот милый сердцу, почти родной город тоже отчего-то его не радовал. Красота его чистых, ухоженных улиц тогда отошли куда-

то на второй план. Обычная городская жизнь вдруг стала казаться ему кошунственной, как смех на похоронах. Люди деловито сновали по магазинам в поисках чего бы «достать», сидели в кафе, читали в трамвае газеты, болтали, или просто гуляли, шлялись без всякой цели. Город просто жил нормальной мирной жизнью. Но на душе его было тяжело. Он знал отчего – от обывательщины окружающих. И потому, психуя, сам себя же зло спрашивал: а что, они должны носить траур и рыдать с утра до вечера? Та же война их не коснулась. И хрупкость человеческой жизни для них была ещё не настолько явной...

Нет, они ничего не должны!!! Вечером, сидя в мягких креслах перед экранами своих телевизоров, равнодушно просмотрев новостной сюжет из какого-то Приднестровья, поохав, радостно выдохнут: «Хорошо, не у нас!..» А то и вспомнят расхожую поговорку, что попавший в беду – сам дурак...

Самое страшное, что произошло – восприятие ценности человеческой жизни в массовом сознании резко девальвировалось, равно как и существенно атрофировалось в нём понимание трагизма смерти другого, постороннего человека. Нужна и человеческая и высокогражданская зрелость, чтобы переживать события, в которых участвуют парни твоей страны, так, словно и ты участвуешь в них лично. Но до зрелости этой – долгий и трудный путь. Сократить его не смог даже Афган. Приднестровье?.. Так ведь там и войны, вроде бы, нет – по телику же говорят, что так, конфликт какой-то...

Вадиму следовало просто отдохнуть, развеяться. Оттого и поехал сюда, к своим родным. Но, не желая того, может быть, даже несколько и обидел их. Тем, что на расспросы отвечал скупо и не особо охотно – не хотелось тогда вспоминать, говорить о том – не в турпоездке же был... Кто это написал: *«Тишины хочу, тишины... Нервы, что ли, обожжены?»* Евтушенко, кажется. Возможно, кому-то после всего этого и хотелось побыть наедине с собой и Богом. Но Вадиму тишины не хотелось – уши были буквально залиты, залеплены ею, и она, что ужасно, по-прежнему, как там, откуда вернулся, заставляла напрягаться.

И ещё... Он вдруг поймал себя на странности: шёл мимо «зеленки» – городского сквера – и ...не стреляли!!! А спина деревенела. Ощущение нереальности. Просто бзик какой-то! Наваждение? Гадливо-прилипчивое...

«Вот этого только не хватало!.. – шибанула неприятная мысль. – Надо собраться, что это я?.. Да нет же – всё гораздо проще! – вдруг «догнало» его. – Просто сознание осталось там, у Днестра, и мозг, ещё не отдохнувший от войны, не желает воспринимать такой резкий контраст, мечет восприятие с одной стороны в другую. Вот уж никогда бы не подумал, что вернется тот разрыв в восприятии, что был в Бендерах в те первые дни. ...Только в обратном порядке. Но ничего – время лечит...»

...А через два дня после их отъезда, в Тирасполь прибыла большая группа иркутских казаков: из Иркутска, Братска, Бодайбо. И так же – в Бендеры, на вокзал, в 1-ю Тираспольскую казачью сотню ЧКВ к Притуле. Вернее, к Владу – командиром 2-й полусотни был назначен Смолин. И они тоже стали... «филинцами», как черноморцы привыкли называть всех иркутских казаков. И ничего удивительного, что их командир вначале взял всем известный радиопозывной, а потом и сама боевая кличка «Филин» напрочь «приклеилась» к нему – и она ему подошла! Так что – группа «Филин» продолжала воевать, и воевать отменно! И этим можно было только гордиться.

В скором времени ожидалось прибытие и атаманов всех казачьих войск России. Союз казаков принял решение провести Атаманский совет в Тирасполе. Было что обсудить.

Из Иркутска приехали и актёры Театра народной драмы, в народе он более известен, как театр Дрожжина – его художественного руководителя и главного режиссёра.

«...Театр ... командировается ... для поднятия боевого духа...» – так в приказе по Войску подчеркнул атаман ИКВ казачий полковник Меринов.

В начале своего пути, познакомившись с европейской театральной школой, коллектив театра – шесть крепких молодых мужчин, настоящих русичей – вскоре обратился к изучению русской народной и духовной культуры, именно в народной традиции почувствовал свои

корни, сформировал нынешнее лицо. Можно смело сказать, что театр Дрожжина – единственный профессиональный коллектив в Сибири, серьёзно занимающийся возрождением духовной истории России.

*«В наше лихое время, а вернее, безвременье, когда теле- и кинозалы, театральные подмостки захлестнула грязная волна блуда, насилия, осмеяния всех святынь российских и беззащитного вранья; когда проворовавшиеся вожаки, ползая на коленях перед Западом и Востоком, вымалывают валютные подачки, обещая с их помощью осчастливить народ, и спешно распродают российские земли под вывеской «свободных экономических зон» (*и демаркации границ «спорных территорий») – в это тяжелое время наш театр считает, что главное сейчас не экономика, не пресловутый «рынок» и пропитание, как нам усиленно внушают, но возвращение к таким вечным понятиям, как душа, дух, Отечество, соборность», – говорили его актёры. Что во все тяжкие годы и смутные времена народ смог выстоять, и спас святую Русь, лишь обратясь «к животворным источникам: Православию и воинским примерам предков. И сегодня нам нельзя забывать о том, что в каждой эпохе есть своё Поле Куликово». (М. Корнев. «Нам бы о душе не забыть!»).*

Группа театра привезла и груз гуманитарной помощи – почти полтонны лекарств, медицинских препаратов, плазмы крови, инструментария и перевязочного материала, – собранный иркутскими патриотами. В тираспольском госпитале врач – хирург из Москвы, осмотрел груз: «Ну, сибиряки, ну, молодцы! Этой помощи цены нет! Одних дефицитнейших лекарств только на полтора миллиона!..»

А сколько сил и нервов понадобилось, сколько мытарств испытали, пока доставили этот груз. И опять же, где? Да в самом сердце России – Москве. Той самой, которую полвека тому назад отстояли сибирские полки. Сытая столица в большинстве своём оставалась глухой к разыгравшейся на берегах Днестра трагедии. Она с безоглядностью неофита «осваивала» рыночные отношения, спеша затвердить новые «приоритеты» и нравственные «ценности».

«Робкое» руководство Иркутского областного Красного Креста почему-то «поостереглось» снабдить этот гуманитарный груз своей визой, хотя там было только то, что предназначено для спасения человеческих жизней и облегчения страданий жертв военной агрессии. Отсутствие этой визы отодвигало груз в конец длиннющих очередей...

А. Власенский. «Чужой беды не бывает». Изд. «Русская сила», 1992 г., г. Иркутск.

«...Трудно продвигаться в разрушенной стране, никаких законов уже нет – ни в душе, ни в жизни. ... Та, «новая» Москва особо ощерилась во Внуково. ...Сорвав голоса от ругани с манекеноподобными аэрофлотовскими мыбрами-красавицами – «Ну и что из того, что у вас билеты на этот рейс? Срочный груз?.. Это ваши проблемы. Ждите, когда будут места на другие рейсы...», – с горечью наблюдали, как угодливо-подобострастно лебезят такие неприступные барышни перед «крутыми» ребятами «южной национальности», как разворотливые и жадные до мзды ручонки, без досмотра и прямо через регистрационные стойки, перекидывают увесистые и огромные тюки с престижным импутём, принадлежащим этим новоявленным «хозяевам» Земли Русской, при этом не очень-то и опасаясь «ментов-линейщиков»...

...Но нет крепостей, которые бы не покорил русский человек: летим на Одессу. В грузовом отсеке – заботливо уложенные нашей командой бесценные коробки с даром иркутян Приднестровью. Пьяно-бесшабашные аэропортовские грузчики, воспротивившиеся было нашему желанию самим разместить свой груз, видимо, прочли в глазах этих бородатых сибиряков что-то такое, что вмиг отрезвило их и отбило охотку покуражиться над «провинцией». И они не обманывались на наш счет: хватило бы самой малости, чтобы начали ломать хребты всей этой тупой и жадной столичной сволочи...

К счастью, была и другая Москва – Москва сопереживающая и страдающая беде. ... Узнавая, кто мы, куда и с чем едем, безропотно пропускали вперёд, а водители автобусов Фёдор и Алексей подвезли из одного аэропорта в другой, и не взяли за провоз ни копейки. Дай вам Бог здоровья!»

Приднестровье жило ожиданием скорого окончания войны. Всё говорило об этом. Дыхание близкого мира, казалось, витало в воздухе. Всё чаще, облегченно вздохнув, люди говорили: «Вот когда кончится война...». Но бои и перестрелки ещё продолжались. На всей линии противостояния – вдоль всего Днестра. Вспыхивали они и в Бендерах. До конца июля – до нашей победы. Доля боёв досталась и вновь прибывшим казакам-иркутянам. Как сейчас помнят они своё «боевое крещение» – первый, но такой жестокий бой!.. – двое из них тогда получили ранения.

...Передовая позиция находилась по ту сторону железнодорожных путей больше чем в сотне метров от основных сил сотни. Это была выгодная огневая точка, располагавшаяся в небольшом кирпичном железнодорожном домике, но была открыта для обстрела с трех сторон. Как только солнце опустилось, «румыны» и начали обстрел. Из минометов и стрелкового оружия – били долго и интенсивно. А потом полезли. ...Ночью! – это было уже что-то новенькое.

В темноте по вспышкам автоматных очередей было видно, что эту казачью позицию они обложили полукольцом. И своим огнем перерезали путь спешащей на помощь своим полусотне Смолина – Влада охватило ощущение бессилия и безысходности. Что делать? Поднимать казаков в атаку – в темноте, на пулемёты?! – бессмысленно. И преступно!

Уже начал брезжить рассвет, когда среди грохота боя вдруг услышали, что оборонявшиеся в домике стали стрелять залпами. Это было правильное решение: залп сплавивал стрелявших и сильно воздействовал на психику атакующих. Влад понял, что это явно придумка командира группы, недавно кадрового офицера, а ныне войскового старшины Жоры Платонова. Но вместе с тем стало ясно и другое: у казаков заканчиваются патроны.

Вдруг около домика (или в нём самом?) раздалось несколько взрывов гранат и... И бой внезапно закончился. «Значит, всё – финиш», – Смолин представил погибших в эту минуту товарищей...

- Ба! А наши-то отбились! – услышал он чей-то радостный голос. – Глянь, вон, выходят...

В предрассветном мареве на путях недалеко от домика казаки обнаружили двенадцать убитых «румын».

Вскоре во время одного из разведывающих выходов был тяжело ранен Толя Малых...

А. Зимин. «Новый отсчет времени». «Усть-Илимская правда», 17 октября 1992 г., N142(2516).

«...Они едва поравнялись с железнодорожным вагоном, как из помещения линейного отделения полиции раздалась очередь.

- Вперёд... быстро!..

Их обнаружили, и просто так уйти не дадут. Это сразу стало ясно каждому. Тем более, что этот чертов вагон у «румын» как на ладони – они вели огонь с верхних этажей здания.

«Неужели влипли?» - Владислав вытер рукавом пот со лба, приподнял голову. Заметил, как справа короткой перебежкой за кусты прыгнули полицейские. А вот ещё!.. Уже справа. «В кольцо берут. Нет, так просто вам нас не взять!..» – Смолин потрогал в левом кармане у сердца «эфку». Он знал, что она – его. Последняя. – «Ну что же, гады...».

И тут вдруг рядом – очередь! «ПэКа!..» Ещё одна, ещё!.. Огонь «румын» стих. «...Толик?». Точно – он. Влад видел, как Малых, лёжа за дальней парой колёс, невероятно каким образом вылавливая паузы среди стрельбы, умудрялся посылать в окна полиции очередь за очередью, гася огонь «румын». Группа без команды уже была на ногах. Прикрывая друг друга огнём, рванули. Наверное, так быстро ещё в жизни не бегали. Они были уже в безопасности, когда...

- Ребята, меня ранило... – услышали слабеющий голос Толи. Подхватили, вынесли его. Ранения он получил серьёзные.

- «...- Недавно ездил в Иркутск, узнавал, как там наш спаситель, – говорил мне при встрече В.Смолин. – В Тираспольском госпитале две пули вынули из него. Раны заживают. Но после контузии всё ещё мучают головные боли.

Много ещё рассказывал он про ту войну: и про ночные рейды в тыл противника, и про друзей, и про мирных жителей – бендерчан. Тепло отзывался о своих товарищах – казаках станицы «Илимской», казаках ЧКВ и других регионов России...»

Творческий коллектив Владимира Дрожжина – такая же группа иркутских бойцов, но бойцов не менее важного «фронта» – духовного! – своё мощное «оружие» обратил в сердца и души защитников Приднестровья. Давая по несколько спектаклей в день, в самых горячих точках, на передовой, высоким искусством, нужным – именно сейчас! – не меньше патронов и гранат, они укрепляли боевой дух Русского воина.

...На передовой тихо, стрельбы нет. Пока. Сидят бойцы: гвардейцы, казаки, пожилые мужики ближних сёл, многие седые, как лунь, положив свои автоматы на колени, неспешно тянут из кармана курево, закуривают – слушают. Душой и сердцем. Погружаясь в думы. С образами воинов русских проходят они весь славный путь русской армии. Суровые, мощные дружинные распевы «Слова о полку Игореве» сменяют казачий распев, духовные стихиры и песни монахов-воинов «чёрной сотни», хорал, написанный в честь победы на поле Куликовом. А вот перед ними образы забайкальских казаков в походе, рекрутов, прощающихся с матерями, прозвучит слово протопопы Аввакума, встают картины зарождения Петровской армии, Кадетского корпуса, под вдруг взметнувшимся Андреевским флагом зазвучат песни русского флота, его боевой офицерский гимн.

Финальные хоралы «Слова о полку Игореве» – как могучий призыв возвратиться к русской воинской традиции, к русской Славе! Возвратиться не только военным, но и всем людям русским, которым дорога ещё Россия, ждущая ныне нашего сыновьего, мужского заступничества...

После спектакля крепкие пожатия: «Спасибо, братушки!» И снова идут в окопы и на посты, чтобы через час-два здесь, почти на этом месте, встретить своим огнём ОПОНовскую мразь. ...Уходили в рейды и дозоры, унося с собой думу о многострадальной Земле Русской, о славных предках-героях, не посрамивших отчего края...

- Только победа! Никакого сомнения, – сурово говорили им черноморские казаки на позициях в Глинном...

На концерте под Дубоссарами слёзы наворачивались на глаза «сестричек», а губы беззвучно вторили артистам: «Вставай, страна огромная!..», словам, переключившимся с Петровскими кантами, «Донцами-молодцами»...

- Ребятаушки! Вы объедьте ещё наших на других позициях. Вы их так поддержите!... - просили дрожжинцев на Кошнице и в Кочиерах после цикла спектаклей «Златая цепь»...

«Господи! Ведь каждое слово льётся в душу! Каждое слово – правда!», – шел шепот тираспольчан, а в финале, данного здесь – в городском сквере – спектакля «Слово о России», в едином порыве люди подхватили кличи воинов: «Ура!.. Русь!.. Россия!.. Слава!..» Избитые, искалеченные ОПОНовом жители, раненые бойцы внимали строкам Капниста: «*Держайте, россы! Гнёт печали с унылых свергните сердец! Враги пред нами в бегстве пали...*».

- Передайте, мужики, всем: 14-я армия – уже не та! Мы развернулись... – говорили военнослужащие, воодушевленные спектаклем «Честь имею!». – Мы не уйдём отсюда – здесь наш дом! – В Бендерской крепости подходили танкисты: – Этих гадов мы не пропустим! Нас здесь сильно политики удерживают, у ребят же настроение – прямо до Бухареста их раскатать!..

Спектакли с первых минут взмывали на крыльях духа вместе с сотнями сопереживающих сердец. Здесь – всё! И слезы, и аплодисменты, надолго прерывающие действие!.. И врывающиеся зычные казачьи кличи «Любо!!!». «*Вставай, страна огромная!*», – и вставали залы Дворцов культуры и Домов офицеров, воедино вставали, слушавшие и

смотревшие действия, на переднем крае обороны казаки, гвардейцы, ополченцы, как в давние времена Великой Отечественной, в тенике под деревьями прилегли с автоматами бойцы!..

А. Власенский. «Приднестровье. Год 1992-й...» «Земля», 27 сентября 1992г., №37.

«Толик Чалый – запорожец. С ним нас познакомили казаки-иркутяне. Они воюют вместе не первый день, и Анатолий привязан к ним сердечно, как к братьям. Этот могучий хлопец своей открытостью, добродушием располагает к себе мгновенно. И ощущение такое, будто знаешь его сто лет. ... По виду Толика никогда бы не подумал, что у парня за плечами немало боёв, что не раз он глядел в глаза Старухи с косой. Пронесило. Хотя был ранен. Вот и сейчас Анатолий машинально, привычным жестом прикрывает крупную кисть с оторванным румынской пулей пальцем. Обычно спокойное, даже флегматичное лицо здоровика сейчас напряжено: Толик весь в спектакле. Взгляд серых глаз, такой улыбчивый, открытый миру и людям нараспаику, посуровел. Казак не обращает внимания на морозящий дождь, такую редкость по нынешнему лету для Тирасполя.

Мы с группой иркутских казаков, вместе с Толей устроились прямо на газоне. Вокруг масса людей. Привлеченные необычным зрелищем, звуками боевых труб и горнов, барабанов и тулумбасов, костюмами актеров, подходили вначале просто из любопытства. Да так и оставались, несмотря на дождь, захваченные разворачивающимся действием. Те лица тираспольчан не забыть! Вглядывался в них и видел, как жадно ловят они исступленно-обжигающие слова неистового поборника Земли Русской протопопа Аввакума, горячие речи Гермогена и Тараса Бульбы, как сопереживают проникновенной речи Петра Великого, обращенной к воинам российским перед началом Полтавской баталии.

Кто бы мог подумать, что сегодня, спустя пару столетий после торжества Русского оружия на этой земле, здесь, прямо перед памятником победителю османов Александру Суворову, такими актуально-пророческими будут сцены спектакля дрожжинцев «Честь имею!». Давно ждал Александр Васильевич исполнения родного екатерининского гимна, сочиненного доблестным офицером его войск Козловским. Ребята играют с такой отдачей, на таком накале, что забывают, что у них позади нелёгкий день, что сегодня они уже дважды побывали на позициях, дав спектакли под самым носом у «румын». Люди слушают не отрываясь.

Толик восхищенно говорит мне: «Так они вправду ваши – иркутские? Молодцы!». – И, зараженный всеобщим воодушевлением, тонко выкрикивает: «Любо-о-о!!!». Возглас его сливается с казачьим кличем черноморских, донских казаков, иркутян, уральцев, растворяясь в шквале аплодисментов благодарных тираспольчан... Видишь, как просветлённые лица зрителей будто освещаются внутренним светом очищения... И не укладывается в голове, что совсем рядом льётся кровь. Война...

Ну а нам завтра в Бендеры. Завтра же не станет... Толика Чалого. Так и не суждено было этому сильному доброму хлопцу побывать в далёкой Сибири, на Байкале... Нелепо и дико вдвойне от того, что ещё вчера сидели мы с ним, по-братски обнявшись, на спектакле, успели подружиться. Да и нельзя было плохо относиться к этому открытому сердцем к людям парню. И было Толе на три года меньше, чем Сергею Васильеву – всего-то двадцать лет... Это случилось в ночь на 27 июля»...

Актёрам-дрожжинцам придётся сдать приобретенные заранее авиабилеты на обратный рейс – слишком уж они полюбились сражающемуся народу, так лег на души людские их репертуар! Да и сам творческий коллектив – Владимир Дрожжин, Вадим Дейнекин, Михаил Корнев, Андрей Мингалиев и два Юрия – Черна и Жигарьков - так органично влился в общую атмосферу Приднестровья!.. Не мог с ними не встретиться и президент ПМР Игорь Смирнов. Вклад этого иркутского театра в борьбу приднестровцев за свою жизнь, честь и свободу оценить очень трудно. А гуманитарный груз, доставленный труппой, позволил спасти не одну жизнь. Кстати, иркутского казака Толю Малова оперировал хирург – доброволец из Иркутска, используя препараты, собранные их земляками – символично!

**«Председателю Иркутского областного Совета
народных депутатов тов. ИГНАТЕНКО В.В.
Атаману Иркутского казачьего войска
полковнику МЕРИНОВУ Н.М.**

**Председателю Иркутского городского Совета
народных депутатов тов. ХОРОШИЛОВУ Т.Т.**

Правительство Приднестровской Молдавской Республики, Атаман Черноморского казачьего войска, Республиканский женский союз в защиту Приднестровья сердечно благодарят Вас и в Вашем лице Иркутское казачество, жителей области, коллектив Иркутского театра народной драмы под руководством Владимира Дрожжина за доставленную гуманитарную помощь и прекрасные патриотические спектакли театра, показанные казакам Черноморского войска, защитникам Приднестровья и жителям городов и посёлков республики, а также Иркутский комитет помощи и содействия ПМР (рук. Котляров В.И.).

Вашу помощь мы расцениваем, как проявление милосердия, солидарности, поддержки в нашей трудной борьбе за нашу свободу и независимость, за право человека жить и работать на свободной земле.

Спасибо нашим братьям и сестрам из далекой Сибири за милосердие и бескорыстие. Да хранит Вас Господь!

Президент Приднестровской Молдавской Республики

Президентул Републичий Олдовенеиць Нистрене

Президент Придністровскої Молдавської Республіки

Атаман Черноморского казачьего войска полковник

Председатель Республиканского Женского совета

в защиту Приднестровья

И.Н. СМИРНОВ

В.Г. БОНДАРЧУК

С.Г. МИГУЛЯ»

...Они давали последний спектакль, – прямо во дворе штаба Черноморского казачьего войска, развернули штандарты, полковую походную музыку. И здесь, как будто сами Высшие Силы и природа выступили и сопроводили это их выступление. «Каким-то чудесным образом начинал и прекращался могучий ливень (казаки кинулись укрывать нас плащ-палатками); точно в начале боевых гимнов врывался в круг зрителей сильный порыв ветра, сотрясая штандарты и знамена; и уже в самом финале спектакля – былинной «Битве Ильи Муромца с Жидовином» – взмахи меча стали совпадать с громом, а картины битвы слились с треском молний! Все замерли. Для всех в этот момент произошло что-то таинственное. Небо дало какой-то Высший Знак, все уверились, что это был знак Любви Божьей к народу русскому, защитникам и воинам, вновь обретенных через грозу и молнии испытаний – Богосыновства пред Ликом Отца. Долго ещё волновалась и замирала душа от этого явленного театра природы»...

В ту грозу было Чудо. И люди, говорят – видели!..

М. Корнев. «Русская доля». «Логос», г. Москва, 1993 г.

«...И была гроза могучая, как всегда на Днестре. Вольный ветер бросался во все стороны, могучей рукой рвал всё, что стояло на пути: деревья, провода, одежду на бегущих людях, бился в окна. Грохотало в вышине, с края на край небосвода проносились молнии. Вдруг всё стихло во мгновение. И в вечерней тишине прошелестел последний дождь, тёплый и чистый... Казак Селянинов стоял и курил, глядя в окно. По стеклу катились светлые капли. Александр никак не мог оторвать от них взгляд: «Как слёзы будто бы... Небо плачет». Словно издали откуда-то протянулась вместе с этими слезами на стекле ниточка грусти или тоски, он не понял, только сердце больно сжалось на миг. Саша быстро поборол слабость. Он привык держать душу железно, без трясушки и нытья. За его спиной было

почти полгода войны. Он научился. «Небо плачет, дети, матери плачут, а нам воевать надо... Прорвёмся!»

Пронесшийся ливень омыл истерзанную землю Дубоссар, простреленные насквозь сады и поля Кошницы, смыл кровь с бендерских улиц. Опустилась на мир тишина, и никто не понимал, почему сегодня ночью нет перестрелки, почему молчат левый и правый берега. Замерло всё живое на земле, не дрогнет листочек, не вскрикнет птица. И в ясной звёздной вышине над плавным Днестром воссиял вдруг мягким и нежным светом **Образ женщины в багряном одеянии, с чудесным золотым сиянием вокруг головы.** Она простёрла материнские руки свои над исходящим кровью и слезами Приднестровьем и... со стоном и облегчением вздохнула Приднестровская земля, наполнившись Благодатью и покоем.

В блиндаже на окраине Глинного улыбнулся неведомо чему седой казак; в окопах Слободзеи молодой гвардеец, почуяв невиданную радость и силу в душе, истово повторял слова Богородничной молитвы. Застыли на месте «румыны»-диверсанты, уже было вступившие в воды Днестра для переправы... Жуткий страх погнал их обратно в лес, и бежали вместе с ними шестеро русских парней с румынским оружием, пригнувшись от ужаса к земле, проклиная день и час, когда они появились на свет – **«...и вниде страх в сердце его, ужас в душу его и трепет в кости его».**

Черноморский казак Саня Селянинов, задумавшийся о завтрашнем боевом дне, вдруг с удивлением оглянулся вокруг. Он услышал наяву чудесный голос, так похожий на материнский, который произнёс с тихой радостью: **«Сыне! Стой за Русскую Землю! Заступи Дом Мой!»**

И так хорошо стало Саниной душе, что показались на глазах его слёзы, а губы горячо прошептали: **«Матушка... Постою...».**

«Сегодня, 21 июля 1992 года в Кремле президент Российской Федерации Борис Ельцин и президент Республики Молдова Мирча Снегур в присутствии официальной делегации самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики подписали Соглашение о мирном урегулировании вооруженного конфликта в Приднестровье...», – эту, безмерно радостную весть, как обычно, сухим, равнодушным голосом сообщил диктор программы «Время».

«Наконец-то... – мир!!!» - разом выдохнули сотни тысяч жителей Приднестровья, прильнувшие в тот миг к своим телеэкранам. ...Но как же они были сконфужены, когда увидели, как подняв хрусталь фужеров с шампанским, президенты Ельцин и Снегур ... обнялись. Как братья.

Ион Косташ, бывший министр обороны Республики Молдова, бригадный генерал в отставке. «Была война!», www.baza.md, 2008 г.

«...В июле 1992-го Ельцин предложил Снегуру перемирие, тем самым признав, что боевые действия против Молдовы вела Россия. Это подтверждается и тем, что ЕСПЧ обвинил Москву в поддержке боевых действий и участии в них. Скрыть факт военного вмешательства России во внутренние дела РМ становилось все труднее. Мирные переговоры вели два президента. Смирнов появился под занавес, уже «на этапе рюмки».

23 июля 1992 года противоборствующим сторонам был отдан приказ о запрещении огня из всех видов оружия. Всё – «отгремев, закончились бои»? Ничего подобного! Бои и артобстрелы вдруг взревели с новой силой. Безудержно и яростно. В течение нескольких дней.

С самого утра 23 июля в штаб обороны города, командование 14-й армии и руководству ПМР начали поступать доклады об обстрелах «румынами» позиций приднестровцев из миномётов, гранатометов и стрелкового оружия. Разведка гвардии доложила, что миномёты «работают» «кочующим» способом. В большинстве случаев поначалу ответный огонь не открывался, но потом...

В районе железнодорожного вокзала из автоматического оружия одновременно (!) были обстреляны позиции казаков и ОПОНа. Казаки не ответили. Но по ним начали бить ОПОНовцы. Хотя личному составу формирований защитников Бендер в соответствии с подписанным соглашением строго-настроено было запрещено отвечать на провокационные выстрелы – это контролировалось, и нарушителей (если, конечно, попадётся) ждало наказание. Но не ждать же пулю! – гвардейцы, «спасатели» и ополченцы, что стояли около улицы Первомайской и кинотеатра «Дружба» в ответ всё же врезали по «румынам», и довольно-таки не слабо.

С разной силой подобные провокации почти на всех участках продолжались целый день. Продолжились и после. Кто же это провоцирует? – международные наблюдатели в те дни вновь заговорили о таинственной и неуловимой «третьей силе». Журналисты недоумевали, военные разводили руками, политики открещивались – не наши!

Что это за сила такая, и кто же это? Михайлов хоть смутно и догадывался, но – это были всего лишь догадки. Правда для него чуть приоткрылась в ноябре 92-го, во время встречи в Москве с полковником Владимиром Наумовым, походным атаманом Союза казаков России. А в ноябре 93-го – уже, как говорится, из первых рук и в полной мере. Когда в Оренбурге на III-м круге Союза казаков после столь долгой разлуки ветераны-приднестровцы наконец-то встретились, да засиделись за «рюмкой чая». Шутя да подкалывая Бенещука и Смолина, Наумов откровенно и поведал казакам об этом...

В подразделениях, которыми они командовали, были негласно созданы разведывательно-диверсионные группы, коих, не лукавя, можно было назвать разведывательно-провокационными. О них мало кто знал. Их «работа» не планировалась ни военными Тирасполя, ни командованием ЧКВ. Знал лишь небольшой круг лиц 1-й Тираспольской казачьей сотни. Группы эти были формой протеста против игры в войну, которую, отодвинув в сторону Тирасполь, вели в те дни Кишинёв и Москва, то и дело объявляя перемирия. Война замирала, и Молдова использовала затишья для перегруппировки сил и замены тех, кто пал духом, а потом снова начинала кровавую заваруху. Бесчинства и издевательства волонтеров и полицейских над горожанами продолжались, от пуль снайперов и подлых коротких минометных обстрелов гибли защитники города и мирные жители. Агрессора надо покарать! Цель этих групп была простой, как карандаш: спровоцировать «румын» на крупное боестолкновение и тем самым подставить их под ответный уничтожающий удар «миротворческой» 14-й армии. Захватчика надо изгнать из Бендер! – и казаки войну не прерывали.

- ...Накануне за «железкой» шевеление какое-то было, вот раненько утром 24-го мы на разведку туда и пошли, - вспоминая, рассказывал Смолин. – ...По земле, уходя лёгкой дымкой, ещё стлался туман. В городе было тихо. Но далеко нам идти не пришлось – прямо к новооборудованной позиции «румын» и вышли. Хорошо хоть не заметили нас. Впрочем, воспользовались они перемирием втихаря – подобрались к нашим позициям ближе. Какие их «точки» засекли, отметили. Пока обходили стороной, по-глупому нарвались на «белые береты». Не стали мы с ними спорить – повернули назад. Солнце уже взошло, когда вышли в расположение соседей – бендерских ополченцев. У них и решили немного обождать, расспросить... Пока разговаривали с парнями, к одному из них пришла жена – молодая, милая. Принесла что-то вкусненькое – мужа побаловать, нас угостила. Вместе чайку попили, поговорили. Порадовались переменам, что война стихает, помечтали о скором мире... Очень хорошо посидели. Прощаясь, обняла мужа, чмокнула его в щеку, сказала, чтоб берёт себя. И только она скрылась за поворотом, как без звука выстрела все услышали мягкий хлопок – так пуля в тело входит. Оглянулись... а тот парень уже падает – пуля ему в висок вошла! Все просто остолбенели, были в шоке – вот тебе и прекращение огня! – смотрели на него и не могли представить, что он уже убит. Ведь только что стоял живой, весёлый, прощался с молодой женой!.. Снайпер, гад!!! Будто очнувшись, один парень сорвался с места, схватил ПК, и дико крича, безостановочно давай бить в сторону «румын», пока не закончилась лента. Отбросил пулемёт, рванул с плеча автомат... Стрелял, кричал и плакал – он как обезумел!.. С той стороны ОПОНовцы открыли ответный огонь. Парни подскочили к нему, но он никого не

слушал, не подчинялся ни командам, ни здравому смыслу: что толку – человека-то уже не вернёшь... Ребята навалились на него, оттащили от окна, отобрали автомат. Он орал, вырывался. Его связали, силой влили ему в рот почти два стакана водки, и только тогда он успокоился. Но «румыны»-то не успокоились – обстрел только усилился, вокруг начали рваться мины... Нам оттуда уходить уже было бесполезно – почти весь день у них под обстрелом и просидели... [*1].

С. Скрипник, полковник Вооруженных сил Республики Молдова.

*«В то время в молдавском парламенте, как и в обществе в целом, не существовало единого мнения о том, что делать дальше – прекратить или продолжать боевые действия... В некоторых СМИ республики началась кампания против нового правительства, которое стало обвиняться в прокоммунистической, промосковской ориентации... Неоднозначная и противоречивая оценка событий тех дней дала в последствии повод некоторым «исследователям» заявить о том, что «потеряли реальную возможность разобраться с казаками и выгнать их из Приднестровья», не дали «нашим парням выйти из окопов». ... В этих условиях авантюристический характер таких заявлений звучал, как явная провокация, и не мог вызвать ничего, кроме новых человеческих жертв». [*10].*

О подписанном Соглашении Молдова узнала вечером 23 июля из передач национального радио и телевидения. На следующий день в печати были опубликованы приказ о прекращении огня и решение смешанной комиссии о создании зон безопасности и размещении вдоль линии вооруженного конфликта миротворческих сил. Многие «ястребы» Молдовы были в ярости – эти сообщения они восприняли «в штыки». Кишинёв вновь взорвался митингами, организованными Народным фронтом. Митингующие скандировали антиправительственные и антипрезидентские лозунги, по городу прокатилась волна насилия и противоправных действий, нападков на МВД.

«Молдова не добилась настоящей государственности и независимости. Президент Мирча Снегур из-за страха перед Россией предал национально-освободительное движение, которое выдвинуло его на должность главы государства. Снегур согласился с тем, чтобы российская армия выполняла роль «миротворца» в Приднестровье, капитулируя перед приднестровским сепаратизмом», – скажет экс-министр Ион Косташ, обиженный, непримирившийся, даже спустя годы оставшийся в стане «партии войны»... (Из интервью Агентству «Инфотаг» 27.08.2006 г.)

24 июля в столице возникла реальная угроза опасного гражданского конфликта, когда среди митингующих на площади перед парламентом появились около двухсот вооруженных военнослужащих 9-го мотопехотного батальона под командованием командира взвода В.Романа, самовольно покинувших позиции на Кочиерском плацдарме. Они, захватив паром через Днестр, а после – автобусы и грузовики, отправились в «поход на Кишинёв» на «разборки» с правительством и президентом. Социально-политическая обстановка в Молдове резко обострилась, русскоязычное население Кишинёва, готовясь к худшему, застыло в ужасе!.. Но всё обошлось – 30 июля последние ненавоевавшиеся «кочиерские бунтари» добровольно сдали оружие... [*10, 17].

Но, скрытый от взора общественности, взрыв негодования и взаимных обвинений рванул уже в коридорах молдавских «верхов». Правительство, министерства «силовиков» и парламент в своих междоусобных разборках «кто виноват?» буквально вскипели. И вскоре с кишиневского «олимпа», ставшего вдруг вулканом, «полетели головы»...

Ион Косташ, бывший министр обороны Республики Молдова, бригадный генерал в отставке. «Была война!», www.baza.md, 2008 г.

«...Со стороны политиков аморально сваливать неудачи и ответственность на подчиненных, рисковавших жизнью. Мирча Снегур был в курсе всех действий МВД, а затем и

МО, в дубоссарских, комратских и тигинских событиях. Он как главнокомандующий непосредственно участвовал в анализе боевой обстановки и принятии решений, в соответствии с Боевым уставом отдавал устные приказы, которые войска неукоснительно выполняли. Это элементарно доказуемо. По приднестровскому вопросу было принято 31 решение парламента и президиума парламента, из них 24 – это прямые указания министрам обороны и внутренних дел сделать все возможное для сохранения целостности страны. Только дилетант может думать, что генералы и офицеры могут по своему усмотрению решать, что и когда им делать. Этого люди в погонах позволить себе не могут, не имеют права, это для военного человека противоестественно.

Моя отставка произошла по настоянию россиян (вице-президента России Руцкого и министра госбезопасности Баранникова) и не без «мудрого» участия таких советчиков, как Сангели, Моцпан, Андроник. С молчаливого согласия Снегура я сначала был изолирован от политики, а затем фактически обвинен в «развязывании военного конфликта» и в поражении. Предав меня, главнокомандующий предал армию, служившую ему верой и правдой. Вместо того, чтобы выяснять, почему мы оказались неподготовленными к войне и что нужно сделать для повышения боеспособности армии, мы выясняли, почему ее начали «без ведома Снегура». Я как военный выполнял приказы главнокомандующего, парламента, правительства. Меня и моих подчиненных президент, парламента и правительство отправили воевать с целью отстоять государственность и территориальную целостность Республики Молдова. Я считаю, что все участники боевых действий, солдаты и офицеры, достойны уважения и заботливого отношения к ним общества и, конечно же, власти. Поступать по-иному – кощунственно!»

Дня через два-три после приказа о прекращении огня, благодаря жестким мерам 14-й российской армии, выступившей не на словах, а на деле гарантом этого, и действенному контролю международных военных наблюдателей в Бендерах, работа которых перешла в практическое русло, воинственный пыл ОПОНовцев и волонтеров постепенно спал, обстрелы прекратились. Ни разрывов мин, ни стрекота пулеметов, выстрелы стали звучать редко.

...И как же, как было горько и обидно, когда ночью 28-го на 29 июля в районе действия 1-й Тираспольской казачьей сотни ЧКВ, к тому времени значительно вытеснившей ОПОНовцев с их прежних позиций, погиб казак 2-го взвода – Виталий Остапенко. Ему было 22 года, но выглядел он совсем юным, отчего его и прозвали «Молодой». В официальном заключении причины смерти записано: «Огнестрельное пулевое ранение грудной клетки с повреждением сердца». Его убил снайпер. Рядом с постом «миротворцев». Это был последний погибший на этой войне казак... [*5]. Но война с мирным населением Бендер, в оккупированной её части, продолжалась...

А. Деркач. «Микрорайон «Ленинский». «Днестровская правда», 11 августа 1992 года, N183(7870).

«...Люди пришли к однозначному выводу: мира и покоя не будет, пока в городе будет хоть один полицейский или волонтер. Выламывая двери, они врывались в дома, грабили, издевались, уничтожали всё, что не могли забрать с собой. Нашли на пектиновом заводе пищевой спирт, стали пить его и вывозить флягами из города. Почти каждую ночь, напившись до одури, носились по улицам, стреляли, наводя страх и психически действуя на жителей. ... Забавлялись, стреляя по окнам домов, ставя «растяжки» на дверях подъездов. ... Кроме пьянства они насиловали проходящих девушек и женщин. Я дважды видел это. Поэтому, ... свою взрослую дочь ... одели старухой и лицо постарались изменить гримом. ... Проверая на постах документы, рвали их или простреливали, возвращая затем хозяину со словами: «Это тебе на память». Если кто не отвечал по-румынски, получал удар в лицо. Наносились удары и тем, кто отказывался лизать обувь полицейским...».

В эти дни, в соответствии с первым этапом плана разъединения сторон, из Бендер начался вывод тяжелого вооружения и боевой техники, создавая полосу безопасности, подразделения стали оттягиваться со своих позиций. Узнав об этом, жители Бендер с опаской пошли на свои заводы и фабрики, в учреждения, где они работали до войны, взглянуть, что там. Но увидели там лишь разрушения, опустошение, кровь...

...На территории пивзавода, на клумбе, недалеко от центрального входа, чуть присыпанный землёй, уже почерневший и начавший разлагаться, лежал труп мужчины. Это был работник завода, его расстреляли ОПОНовцы, когда он не смог ответить, как и откуда сливается пиво... Два с половиной миллиона литров пива было разграблено и испорчено. Автоматические линии и часть другого оборудования цехов демонтированы, что не смогли вывезти – взорвали, изуродовали. Многие очевидцы рассказывали, что волонтеры и ОПОНовцы устроили здесь настоящее звериное логово. В административном корпусе стояла страшная вонь, повсюду погром. У входа на стенах следы крови, как будто кого-то били так, что она брызгала фонтаном. Исчезла вся офисная и бытовая техника, повсюду разбросаны опаленные документы, бумаги... – сейфы вскрывали с помощью гранатометов. В приёмной и кабинете директора увидели вообще страшную картину: не только брызги крови на стенах, но и коричнево-бурую массу спекшейся крови, ковром покрывавшую пол. На столе стоял графин, доверху наполненный ...уже запекшейся кровью... Повсюду валялись пустые консервные банки, бутылки, во всех углах и кабинетах были видны испражнения. У людей, увидевших всё это, сложилось впечатление, что здесь жрали, с...ли, спали и пытали одновременно, и в одном месте... [*1]. Подобное увидели везде, где стояли «защитники конституции». Свидетельств тому – масса!

Г. Воловой, депутат парламента Республики Молдова и Бендерского горсовета ПМР.

«...Позвонили учителя из средней школы №2. Они видели, как полицейских, находившихся в ней, уводили оттуда на автобусах и машинах. ... Я попросил их без ... специалистов (военных) в здание не заходить, так как можно было ожидать чего угодно. ... Перед войной школа была основательно отремонтирована, сейчас восстанавливать её придётся не один месяц. ... Здание окружали окопы, наружные стены со следами пуль, все стёкла выбиты, а внутри... Всё, что не могли забрать с собой полицейские и волонтеры, было переломано и уничтожено. Демонстрационные приборы даже в тех классах, куда не долетали пули, были разбиты о стену. Компьютерный класс сожжён, но, видимо, после того, как оттуда всё вынесли. Висевший в коридоре портрет Пушкина – подарок художника школе, носящей имя великого поэта – вначале превратили в мишень и расстреляли, а затем порезали ножами на куски. ... Выпускные аттестаты были исчерканы, и по диагонали латиницей на них было написано «недействительно» (* их не успели вручить – город был захвачен вечером перед началом выпускных балов). На классных досках были написаны мелом грязные ругательства. Почти на каждом шагу кучи мусора, испражнений. Судя по валявшимся под ногами банкам, кормили их неплохо – импортные консервы, соки... И всюду – стаканы, стаканы, стаканы... А в школьном дворе стоял грузовик, доверху на-полненный мусором, над которым кружились стаи мух. С опаской ходили учителя по классам. Лишь в одном месте мы смогли прочесть на стене: «Дети Бендер, простите нас, если сможете!». Очевидно, у кого-то из вояк перед отъездом всё же заговорила совесть». [*1].*

...Но «белых беретов» – военных наблюдателей из международной комиссии оставшиеся пока на позициях «румыны» всё же стали бояться. Особенно российских офицеров. А уж тем паче вооруженные патрули... 14-й армии! Завидев приближающуюся машину или БТР с флагом России, полицейские и волонтеры старались поскорей убраться с их глаз долой, или тут же придавали себе благообразный вид невинной овечки – «А чё я? Я – не я, и мама не моя»... Выставление на линии соприкосновения сторон постов и введение в городе патрулей 14-й армии было ещё одним сильным решением генерала А.Лебеда. Решением личным, властным, без согласования и подсказок «сверху». Рисковал ли он? – безусловно! Но Лебедь

без риска – оправданного риска – не Лебедь! «Румын» он предупредил: «...Ещё один выстрел – и, позавтракав в Бендерах, обедать мы будем в Кишинёве, а ужинать – в Бухаресте!» – прозвучал по приднестровскому радио его гневный громоподобный бас с очередным «нефильтрованным» высказыванием. Его поняли. Уже знали, что Лебедь слов на ветер не бросает, «шутить» с ним – кровью захлебнёшься... Блефовал ли он? – возможно... Но он был тонким, талантливым психологом, просчитывал всё точно. Александр Иванович как-то сказал: «Иногда всё решает блеф и крепкие нервы». В этом – весь Лебедь.

С. Станкевич, советник Президента Российской Федерации.

*«Сила никогда не заменит дипломатию и право, но, к великому сожалению, пока ещё никому не удавалось полностью исключить её из арсенала инструментов государственной политики. Если бы в Бендерах карательная операция не встретила адекватного силового отпора, дипломатии сейчас уже не о чем было бы договариваться – Приднестровье было бы раздавлено...». [*2].*

...29 июля жители Тирасполя высypали на улицы, беспокойно задрав головы и прислушиваясь – в небе стоял непроходящий гул. Это на тираспольский военный аэродром с интервалом в 3 минуты заходили на посадку самолёты военно-транспортной авиации ВВС России – 53 самолёта! – с солдатами и боевой техникой воздушно-десантных войск – российского контингента миротворческих сил.

В. Журбенко, генерал-полковник, заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ. «Военно-исторический журнал», № 11, 2006 г.

«В 16.30 транспортные самолёты ВВС РФ начали садиться на аэродром в Тирасполе. Руководил перелётами, посадкой и разгрузкой самолётов первый заместитель главнокомандующего ВВС РФ генерал-лейтенант В.С. Кот.

Командующим Миротворческими силами РФ был назначен заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками по боевой подготовке генерал-полковник Э.А. Воробьёв, руководство подразделениями ВДВ возлагалось на заместителя командующего ВДВ генерал-майора В.И. Сорокина. Общее руководство проведением операции было возложено на меня. От Российской Федерации в состав Совместных миротворческих сил общей численностью 3100 человек были включены два отдельных батальона 433 мсп 27 гв. мсд (ПриВО), один батальон от 129 мсп 45 гв. мсд (ЛенВО), три батальона 137 пдп 106 гв. вдд (ВДВ), мобильная группа 138 осп ВГК и вертолётная эскадрилья (Ми-8 – 6 ед., Ми-24 – 4 ед.)».

...Русского солдата так не встречали давно! Так было – мы знаем из кинохроник Великой Отечественной, – когда наш солдат-Освободитель шёл по улицам Киева, Софии, Белграда... 1 августа огромная колонна боевых машин десанта и бронетранспортёров миротворческих сил перешла мост через Днестр и под неумолчный праздничный перезвон колоколов Преображенского собора вошла в Бендеры. Улицы города были буквально запружены – тысячи людей вышли встречать Русского солдата-Миротворца – российских десантников.

«Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божьими нарекутся...»

...Лица горожан сияли, слёзы радости, ликование, аплодисменты, цветы – много цветов! – боевая техника была завалена букетами роз, крики: «Слава России!», «Победа!», «Ура!», незнакомые люди поздравляли друг друга, женщины плакали от радости и целовали борта БМД. Кто-то небольшим импровизированным хором, но от души запел: «...Этот день Победы!..» Да, это был день Победы – «это радость со слезами на глазах!».

«Какой гордостью наполнялись сердца российских офицеров! Гордостью за великую державу, частью которой они были. Гордостью за российскую армию, которая способна

выполнить любую задачу! А помимо гордости была ещё и уверенность. Уверенность в том, что если мы захотим что-то сделать, то мы это сделаем!». [*17].

В соответствии с решением Объединенной контрольной комиссии – военно-политического органа по руководству миротворческой операцией, границы зоны безопасности в районе конфликта были определены протяженностью 225 километров и шириной от 4 до 15 километров вдоль

Днестра с разграничением на участки: Северный (Рыбницкий) протяженностью 80, шириной от 4 до 12 километров; Центральный (Дубоссарский) протяженностью 60, шириной от 12 до 15 километров, и Южный (Бендерский) протяженностью 80, шириной от 9 до 14 километров. Зона с особым режимом безопасности устанавливалась в городе Бендеры. Местом дислокации ОКК был определён город Бендеры. В зоны вводились трёхсторонние Совместные миротворческие силы, насчитывающие в общей сложности 5500 человек: кроме 6 батальонов российских ВС, от Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики по 3 батальона численностью 1200 человек от сторон, но без тяжелого вооружения. В состав миротворческих сил был передан 102-й мотострелковый батальон 2-й механизированной бригады ПМР. Начальником созданного объединенного штаба СМС стал генерал-майор Вооруженных Сил Российской Федерации Н.Н. Лосев, его заместителями назначены представители: от Республики Молдова – полковник Н.С. Киртоакэ, от Приднестровской Молдавской Республики – полковник В.М. Рыляков.

В этот же день из Бендер начался одновременный вывод вооруженных формирований Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики.

Но не всё было так гладко. Серьёзное опасение вызывала возможность неподчинения решению ОКК отдельных командиров вооруженных формирований, особенно молдавских волонтеров и отрядов полиции.

В. Журбенко, генерал-полковник, заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ. «Военно-исторический журнал», № 11, 2006 г.

«К 15.00 137-й парашютно-десантный полк занял центральную улицу Бендер. Дистанция между БМД в колонне 40 метров, нечётные номера машин развернули башни в одну сторону, четные – в противоположную. Всё это наглядно показывало: полк находится в готовности, так сказать, к принудительному отводу враждующих войск».

Своим специальным решением, подкрепленным силой, ОКК вынудила Молдову вывести армейские и полицейские подразделения, формирования волонтеров-националистов из «осинового гнезда» - Варницы, где силами 137 пдп ВДВ РФ была установлена комендантская служба.

Решением ОКК, приказом подчиненного ей штаба СМС, для осуществления правоохранительной деятельности в городе Бендеры оставили 50 полицейских от Молдовы и 50 милиционеров от ПМР, к расследованию по уголовным делам и военным преступлениям подключались следственные органы конфликтующих сторон, выделены совместные группы оперативного реагирования численностью до взвода, группы инженерной разведки и разминирования.

1 августа 1992 года Войсковым атаманом Черноморского казачьего войска был отдан приказ № 39 «Об организации отвода казачьих формирований из районов боевых действий»: *«...на основании приказа №76 от 31 июля 1992г. атаманам казачьих округов ЧКВ с 1 августа приступить к организованному выводу казачьих вооруженных формирований из районов боевых действий в пункты постоянной дислокации для дальнейшего расформирования и убытия казаков к месту постоянной работы».* [*3].

С. Скрипник, полковник Вооруженных сил Республики Молдова.

*«С вводом миротворческих сил все вооруженные формирования (*Республики Молдова) выводились в заранее определённые места сосредоточения, где была организована сдача*

оружия. Там на общих построениях личного состава самым лучшим воинам вручили ценные подарки и благодарственные письма. На автобусах люди отправлялись на пункты постоянной дислокации и в последующем увольнялись в запас». [*10].

Провожая своих защитников – тех, кто долгих 43 кровавых дня и ночи ценой своей жизни спасал город от порабощения неонацистскими варварами, – жители Бендер пришли к месту гибели нескольких десятков гвардейцев, казаков, ополченцев, бойцов ТСО, павших при штурме моста. Сейчас там стоит мемориал, на котором выбито:

**«ВЫ ПАЛИ В БЕНДЕРАХ, НО ВЫ НЕ ЗАБЫТЫ.
ВАС ПОМНЯТ НЕ ТОЛЬКО ГРАНИТНЫЕ ПЛИТЫ...»**

Сотни букетов принесли люди к обелиску Русской Славы, что недалеко от моста, в память о том героическом штурме моста. А на гранит монумента Воинской Славы кто-то прикрепил листок бумаги из детского альбома: **«Погибшим и живым защитникам г. Бендеры и всего Приднестровья с благодарностью. Горожане».**

Жители Бендер знали, «какую цену здесь платили» защитники, отстоявшие их город. Цена эта огромна – сотни жизней! Бойцов Республиканской гвардии ПМР погибло **124** человека, народного ополчения – **137**, ТСО – **36**, батальона «Дельта» - **4**, батальона «Днестр» - **4** человека, казаков-черноморцев - **64**, казаков иных казачьих войск - **27**, иных добровольцев из стран СНГ – **67** человек, было ранено - **899** человек, из них **185** стали инвалидами... [*16].

А.Г. Мартынов, Атаман Союза казаков России.

«Для оказания помощи народу Приднестровья (ноябрь 1991г. – конец июля 1992 г.) туда прибыло свыше тысячи казаков-добровольцев из Донского, Всекубанского, Терского, Оренбургского, Уральского, Астраханского, Сибирского, Иркутского, Забайкальского, Ставропольского войск, Якутского казачьего полка, а также Московского, Санкт-Петербургского и Самарского землячеств. В боях с румыно-молдавскими захватчиками мы потеряли лучших своих братьев, ...но наши жертвы и труды не были напрасны. ...Это с нашей помощью народ Приднестровья отстоял свою независимость. А мы вновь заявили о былой славе казаков – хранителей своих земель, дали надежду 25 миллионам русских, кого бросило российское руководство, сохранили Черноморское казачье войско и западный участок России, который тянется к ней и желает войти в её состав...» [*15].

До сих пор в Молдове не опубликованы официальные данные потерь во время Приднестровской войны. Ещё шли бои, когда в **«Независимой Молдове»** от **27 июня 1992 г.** Министерства обороны РМ сообщило: *«С 18 по 24 июня с. г. в конфликте погибло 82 человека, ранено 482. Из них: в национальной армии – 32 человека убито, 203 – ранено; в МВД – 19 убитых, 132 раненых; среди молдавских добровольцев – 16 убитых, 74 раненых; среди гражданских лиц – 15 человек убиты, 73 ранены.»*

Второй раз данные о потерях были приведены Валерием Мошнягой и Платоном Фрунташем в статье **«Проблема беженцев и перемещенных лиц в Республике Молдова»:** *«В общей сложности за время вооруженного конфликта (март-июль 1992 года) погибло около 800 человек (320 человек из состава конституционных сил Республики Молдова и 425 человек с приднестровской стороны); было зарегистрировано около 130 тысяч беженцев и перемещенных лиц в Республике Молдова, на Украине, в Беларуси и России...»*

Депутат парламента Республики Молдова Постован озвучил иные цифры проведенного лично им «исследования»: мол, погибли 152 человека, в их числе 69 полицейских и бойцов ОПОНа, 11 карабинеров, 13 сотрудников МНБ, и ранено было 573 человека. Привёл он и сведения потерь ПМР: 650 погибших и более 4500 раненых.

По данным органов разведки России и Приднестровья, Молдова в этой войне потеряла около 3500 человек убитыми, примерно 9000 человек ранеными и более 200 человек пропавшими без вести.

Сведения некоторых экспертов ненамного расходятся с этими данными. *«...Сколько же всего людей, вооруженных и мирных, со всех сторон полегло в необъявленной Приднестровской войне? Получилось, по разным прикидкам, в пределах от пяти до семи тысяч. В том числе, около двух с половиной – трёх тысяч в боях за Бендеры. Потери молдаван, по общему мнению, были больше, чем у приднестровцев. Прежде всего, за счёт того, что они постоянно имели на передовой куда больше людей, чем приднестровцы, стремились наступать при плохом командовании и низкой дисциплине. Это и вело к потерям. Но если учесть жертвы населения подвергшихся нападению городов и сёл – тогда потери равны, что для обороняющейся стороны вывод неутешительный. Разумеется, это всё субъективно и приблизительно. Общей, официальной статистики нет. Возможно, никогда не будет...»* [*18].

Молдове есть что скрывать, и понятно почему – эта война была агрессией, кровавой и для них позорной.

Приднестровцы своих потерь не скрывают. Все погибшие, раненые, без вести пропавшие и умершие от ран уже после войны подсчитаны, в Тирасполе выпущена Книга памяти, и в этом Приднестровье честно выиграло ещё одну войну – пропагандистскую.

М. Снегур. Из речи перед ветеранами на собрании, посвященном 16-летию начала Приднестровской войны. 2 марта 2008 г., г. Кишинев. ИА «Regnum». Из Интернет.

«...Тот факт, что соглашение о прекращении огня на Днестре было подписано бывшим российским президентом Борисом Ельциным, свидетельствует о том, что боевые действия 1992 года были молдавско-российской войной.

...2 марта 1992 года Республика Молдова стала членом ООН, и именно это побудило Россию – одну из крупнейших держав в мире, имеющую здесь геополитические интересы, – развязать подлую войну. Именно Россия вооружила сепаратистов и подготовила их, после чего выступила вместе с ними на позиции.

...Пусть вас не терзают угрызения совести или сожаления, что вы могли бы сделать больше. В тех условиях мы были абсолютно неподготовленными к войне, особенно с такой силой, когда у нас не было армии. Вы сделали все, что было в ваших силах, чтобы защитить страну от вторжения. Благодаря вам Республика Молдова осталась непобежденной российскими войсками и наемниками-казаками, осталась независимым государством, а история должна дать должную оценку принесенным жертвам».

Боевая техника миротворцев ещё занимала заранее назначенные позиции на улицах Бендер, а горожане, проводив своих защитников, потянулись к Преображенскому собору, где шёл благодарственный молебен. Людям не надо было объяснять, чьей, в первую очередь, милостью была одержана эта победа... **«Войны только начинают люди, а оканчивает их Сам Бог, Который, как правило, помогает правому. Поэтому победу нельзя приписывать только своему мужеству...»**, - эти полные правды и величия слова были сказаны ещё в 1814 году обер-священником Русской армии протоиереем Георгием (Мансветовым).

В. Журбенко, генерал-полковник, заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ. «Военно-исторический журнал», № 11, 2006 г.

«К исходу дня, хотя и с большим трудом, всё же удалось развести противостоящие силы и образовать в Бендерском районе зону безопасности. Комендантская служба и совместные миротворческие посты приступили к выполнению своих задач».

...И был жесткий приказ: «...С 19.00 часов 1 августа 1992 года появление в городе Бендеры людей с оружием категорически запрещено».

ВСЁ – ВОЙНА ОКОНЧЕНА !!!

А через две недели, 14 августа, в Тирасполе состоялся первый военный смотр Вооруженных сил ПМР – парад победителей! Казалось, что весь Тирасполь – тысячи и тысячи людей вышли на его праздничные улицы, дышащие прохладой и свежестью после прошедших столь долгожданных, словно очистительных, дождей.

Под бравурные марши сводного духового оркестра и многоголосье ликования горожан по площади, где на пьедестале возвышается «дед российского воинства» Александр Васильевич Суворов, отдавая ему честь, колоннами, чеканя шаг, проходят бойцы Республиканской гвардии, отряды ТСО, батальоны «Днестр», «Дельта» и Народного ополчения...

И вдруг – **«Встань за Веру, Русская Земля!»** – оркестр из всех сил рванул «Прощание славянки», и тут же со Свято-Покровского храма дружно ударил колокольный перезвон. Многотысячное «ура!» и шквал аплодисментов повисли окрест и над площадью – это под ослепительно белым, отливающим серебром и вышитым золотом войсковым знаменем с древним российским гербом, четким строем, сотня за сотней на площадь выходила колонна Черноморского казачьего войска. В едином строю с черноморцами шли казаки Дона и Кубани, Сибири, Урала, Запорожья... – казаки некогда могучей, единой Страны, защитники дальнего форпоста Великой Православной Руси. Они доказали, что жив народный казачий дух, не вытравили его ни годы репрессий и богоборчества, ни стремление властей стереть из отечественной истории память о казачестве. И возрождая казачество, здесь, на земле Приднестровья, возродили и его ратную славу.

На том параде все: казаки, гвардейцы, ополченцы всколыхнули людскую память, словно отбросили её на десятилетия назад. Все они – сыновья и внуки тех, кто так же, в июне 45-го прошел на Параде Победы по брусчатке Красной Площади. Они – наследники побед и славы Русского Оружия!

«Тугим наплывом стлался дружный непрерывный звон колоколов по-над ровной необъятной степью, передавая радость и гордость за победителей и горькую скорбь за тех, кого уже не было в сёдлах, по ком успели уже выплакать свои слёзы матери и вдовы, кого и хоронить-то не довелось на родной земле казачьей...». Так описывает возвращение донских казаков в конце лета 1814 года писатель Геннадий Семенихин в своём романе «Новочеркасск».

История повторяется. Есть вечный закон, по которому победа всегда за теми, кто за Святую Правду – **за Веру, Волю и Отечество!**